

ЖИВЫЯ ДУШИ.

ОЧЕРКЪ

нравственныхъ силъ современной Россіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я давно собирался лично посѣтить и внимательно осмотрѣть мѣста и учрежденія, въ которыхъ дѣлаются опыты практическаго осуществленія христіанскихъ идеаловъ, опыты христіанской жизни. Такіе опыты имѣютъ ближайшее отношеніе къ той кафедрѣ (нравственнаго богословія), которую я занимаю въ Академіи. Мы слишкомъ часто повторяемъ слова о томъ, что христіане *должны* дѣлать, какъ они *должны* жить, и совсѣмъ не справляемся о томъ, что *дѣлаютъ* лучшіе христіане, какъ они *живутъ*. Между тѣмъ изображеніе идеала и долга, чтобы не быть пустымъ отвлеченнымъ звукомъ, должно сообразоваться съ условіями наличной жизни. Для моралиста и проповѣдника важно и интересно знать, до чего простираются силы человѣка и какія границы христіанской дѣятельности намѣчаются условіями наличной жизни. Здѣсь дается необходимый коррективъ требованіямъ моралиста и проповѣдника, здѣсь же и источникъ того воодушевленія, которымъ должна характеризоваться христіанская проповѣдь, ибо—благодареніе Богу!—жизнь свидѣтельствуется не только о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя зло ставитъ на пути добра, дѣлая этотъ путь узкимъ и труднымъ, но она громко возглашаетъ и о тѣхъ неисчерпаемыхъ силахъ, которыя гнѣздятся въ груди человѣческой. Много зла въ нашей жизни, оно бросается въ глаза, но есть и труже-

ники на нивѣ Христовой—будемъ лишь внимательны къ ихъ дѣятельности, скромной и тихой, и она выростетъ предъ нами въ грандіозныхъ размѣрахъ, она поразитъ насъ несокрушимостью энергіи, силою любви, красотою организаціи и всепобѣждающею немощью вѣрующей личности, въ которой дѣйствуетъ сила Божія. И тогда самое лицо земли русской предстанетъ предъ нами въ свѣтлыхъ краскахъ, осіянное разсѣянными тамъ и сямъ свѣтлыми точками,—и тогда надежда на радостное будущее христіанскаго дѣла въ Россіи окрѣпнетъ въ нашемъ сердцѣ....

Я интересуюсь опытами христіанской жизни во всемъ ихъ разнообразіи, какое только наблюдается въ русской дѣйствительности. Въ умѣ читателя прежде всего, конечно, возникнетъ образъ монастырскаго подвижничества, которое не только въ своемъ историческомъ прошломъ, но и въ своемъ настоящемъ состояніи находило и находитъ многихъ описателей. Но для наблюдателя, интересующагося глубиною и широтою христіанской жизни, монастыри обычнаго типа доставляютъ мало матеріала, такъ какъ здѣсь надъ всѣмъ царятъ установившіяся формы, скрывающія подъ собою личную жизнь. Мы наблюдаемъ въ монастыряхъ толпы богомольцевъ, собирающихся за многія сотни верстъ, видимъ здѣсь торжественныя богослуженія, можемъ любоваться строемъ монашеской жизни, стройнымъ пѣніемъ, но жизни мы здѣсь не можемъ наблюдать: истинное подвижничество, по существу своему, скрывается отъ наблюденія, которому доступно лишь въ реликвіяхъ. Наблюдатель жаждетъ новыхъ формъ, личнаго почина, живого дѣла. Кромѣ того, извѣстно, съ какою настойчивостью въ литературѣ послѣднихъ дней противопоставляются созерцательное подвижничество и дѣятельная христіанская жизнь. Не нужно въ возникшемъ спорѣ стать на ту или другую сторону, чтобы признать, что болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе наблюдателя опыты дѣятельной христіанской жизни, или наивозможно глубокой по энергіи благотворительной любви, или наивозможно широкой по полнотѣ проведенія въ жизнь христіанскихъ началъ. Для нашего времени чрезвычайное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, что даетъ христіанство для жизни, что оно привноситъ въ дѣйствительную жизнь въ качествѣ ли благотворительной любви или въ опытахъ устроенія всей полноты

жизни на христіанскихъ началахъ. Наше время внимательно не къ тому, что совершается за монастырскою стѣною, въ уединеніи пустыни, въ затворѣ аскета, а къ тому, что даетъ христіанство для всѣхъ сторонъ дѣйствительной жизни—для экономическихъ нуждъ, для социальныхъ потребностей, для брачной жизни, для трудовыхъ общинъ, для братскаго общезжитія. При этомъ, легко понять, наблюдатель, который стоитъ на почвѣ научнаго изученія христіанства, никакъ не можетъ ограничиться оффиціальными предѣлами церкви: для него столь же интересны христіанскія дѣла, совершаемыя въ оградѣ церкви, какъ и опыты христіанской жизни внѣ ея. Подобно тому, какъ свойства и жизнь организма познаются не только въ анатоміи и физиологіи, но и въ патологіи, такъ и для научнаго изученія христіанства важно наблюсти не только традиціонную церковную жизнь, но и свободные опыты устроенія христіанской жизни, не только успѣшныя опыты, но и опыты безуспѣшныя. Не будемъ думать, что всѣ пути христіанской жизни давно исхожены, всѣ распутія давно испытаны, что нашимъ современникамъ остается на долю ходить проторенными тропами, усваивать готовые отвѣты. Но мѣръ того какъ идетъ впередъ и осложняется исторія, неумолчно и съ неслабѣющею силою повторяется христіанскій вопросъ; съ каждою ступенью культурнаго прогресса, для каждаго времени и поколѣнія онъ звучитъ въ новыхъ тонахъ, выливается въ новыхъ словахъ, для каждаго дня онъ составляетъ „свою злобу“. Всякій долженъ поставить его для себя, въ индивидуальныхъ особенностяхъ мѣста, времени, культуры, экономическихъ и бытовыхъ условій, всякій долженъ отвѣтить на него по своему. Вотъ почему теряетъ почти всякую цѣнность традиціонное сохраненіе древнихъ формъ безъ привнесенія въ нихъ живого содержанія, болѣзненно раздражаетъ проторенная дорога, уравнивающая лицемѣрную привычку и мертвую обрядность съ живою жизнью; напротивъ пріобрѣтаютъ громадную цѣнность всякіе новые опыты, въ которыхъ видна живая душа человѣческая. Тутъ дорого разнообразіе опытовъ, дорога ихъ типичность. Внимательный къ нимъ повсюду извлечетъ для себя пользу и урокъ. Успѣшныя начинанія покажутъ ему, въ чемъ ихъ сила, въ чемъ залогъ ихъ успѣха; на опытахъ неудачныхъ онъ научится, чего должно избѣгать, въ чемъ

причина неуспѣха. Лишь бы начинаніе было искренне, лишь бы проведено оно было съ достаточною энергіею и послѣдовательностью, лишь бы съ силой и репрессіей отразилась въ немъ личность человѣческая, ея живая разумная энергія. Время и труды, потраченные на наблюденіе, не пропадутъ безплодно: въ самомъ крайнемъ случаѣ, въ самыхъ неуспѣшныхъ дѣлахъ, странныхъ начинаніяхъ и искусственныхъ организаціяхъ, мы узнаемъ живую душу человѣческую. Какъ ни цѣнно преданіе, но живая мысль ищетъ новыхъ словъ; какъ ни цѣнно старое преданіе, но въ рѣчи своихъ современниковъ мы прислушиваемся только къ новымъ словамъ. Такъ и въ жизни—обнаруживается живая христіанская личность лишь въ *своихъ* дѣлахъ, въ новыхъ начинаніяхъ, въ новыхъ формахъ, которыя и притягиваютъ къ себѣ взоры наблюдателя. И обратно—самое драгоцѣнное въ каждомъ христіанскомъ дѣлѣ, въ каждомъ учрежденіи, въ каждой формѣ не само дѣло и учрежденіе, не сама форма, а христіанская возрожденная личность, проявившаяся въ дѣлѣ и формѣ, дорога человѣческая свобода, открывшаяся съ достаточною энергіею и красотою. Въ томъ и значеніе новыхъ формъ и учрежденій, что въ нихъ видно живое дѣло свободы. Вотъ почему принадлежность дѣла и формы къ опредѣленной категоріи оказывается безразличною: не все изъ того, что стоитъ подъ флагомъ ортодоксальной традиціи, оказывается живымъ дѣломъ живой свободы, но въ дѣлѣ, надъ которымъ развѣвается протестующее знамя, можно подмѣтить живое біеніе мятущейся христіанской души. Это ничего, что дѣло создается изъ плохого строительнаго матеріала, изъ сырого дерева и даже изъ соломы,—душа строителя можетъ быть полна самыхъ благородныхъ порывовъ, возвышенныхъ стремленій, которыя цѣнятся на судъ Божиимъ. Солома сгоритъ, не устоитъ и дерево, но душа человѣческая, если только жила свѣжею и полною жизнью, спасется. Интересы догматиста и интересы моралиста не вполне совпадаютъ: перваго интересуютъ формы опредѣленной категоріи, дѣла опредѣленнаго вида и слова точно формулированныя, второй слѣдитъ за біеніемъ живой христіанской души, христіанской жизни, въ какихъ бы дѣлахъ она ни проявлялась, въ какихъ бы формахъ ни открывалась. Для моралиста вся сложность жизненныхъ отношеній, все богатство

дѣль и формъ есть лишь система отображеній живой души, есть лишь рядъ вѣхъ, отмѣчающихъ ея развитіе и ея ростъ. Для него путь добра не путь опредѣленныхъ дѣлъ, а путь живой жизни, для него лучшіе не старшіе сыновья, пребывающіе вѣрными въ дому отца, строгіе блюстители преданій и заведенныхъ порядковъ, а младшіе, идущіе на дальнюю сторону, пролагающіе свой путь, пытающіе свои силы въ новыхъ дѣлахъ. Лучшая жизнь—наиболѣе полная, наиболѣе свободная, сильная, смѣлая, пытливая, жертвующая безъ расчета, не оглядывающаяся назадъ, идущая прямымъ путемъ. Такихъ богопоклонниковъ ищетъ Отецъ Небесный. Такіе дѣятели даютъ богатый матеріалъ для наблюденій...

Такъ я намѣтилъ себѣ ознакомиться съ Кіевскимъ Покровскимъ, Княгининимъ, монастыремъ, съ Лѣвнинскимъ Богородичнымъ монастыремъ, съ Вировской Спасовой пустынью, съ Крестовоздвиженскимъ трудовымъ братствомъ, съ Толстовскими колоніями...

Съ лѣта 1905 года мои намѣренія стали осуществляться.

I.

Кіевскій Покровскій (Княгининъ) монастырь.

Начну историко-біографическими свѣдѣніями.

Предо мною *Обзоръ дѣятельности больничныхъ учреждений Императора Николая II при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежительномъ монастырѣ за 1-е десятилѣтіе (1893—1903). Составили врачи больницы. Кіевъ 1905.* Рецензентъ можетъ усиленно рекомендовать вниманію читателей эту тщательно составленную и изящно изданную книгу. Она составлена изъ статей двухъ родовъ: а) біографическаго и общаго содержанія и б) спеціально-медицинскаго. Къ первому ряду относятся статьи: Проф. И. А. Сикорскаго *О жизни и кончинѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, въ иночествѣ Анастасіи*,—Д-ра Г. Г. Левицкаго *Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна (инокиня Анастасія)*—довольно обстоятельный біографическій очеркъ,—Д-ра В. Ѳ. Бушуева *Н. В. Соломка (некрологъ)* и *Объ участіи монастырей въ дѣлѣ народнаго врачеванія*. Второй рядъ составляютъ многочисленныя статьи, имѣющія предметами содержаніе больницы, комитетъ по

управленію больничными и благотворительными учрежденіями при монастырѣ, списокъ врачей, работавшихъ въ больницѣ за первое десятилѣтіе (изъ коихъ первымъ врачомъ больницы, много содѣйствовавшимъ Августѣйшей Строительницѣ больницы при устройствѣ ея, былъ Н. В. Соломка), цифровой отчетъ о дѣятельности больничныхъ учрежденій за 1900—1903 г. и, наконецъ, обзоры дѣятельности разныхъ отдѣленій больницы—терапевтическаго, дѣтскихъ болѣзней, гинекологическаго, хирургическаго и др. Послѣднія статьи имѣютъ значительный научно-медицинскій интересъ, но наше вниманіе главнымъ образомъ останавливается на статьяхъ, изображающихъ благотворительную дѣятельность Великой Княгини. Нижеслѣдующія біографическія данныя заимствованы преимущественно изъ статьи д-ра Г. Г. Левицкаго. Кромѣ того существуютъ (и имѣются у меня) слѣдующія изданія, впрочемъ достаточно использованныя д-ромъ Левицкимъ: Проф. Сикорскій *Кончина Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны* (въ нѣсколько измѣненномъ изложеніи статья вошла въ *Обзоръ*), Проф. Подвысоцкій *Участіе монастырей въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія*, Скворцовъ *Памяти царственной Инокки Анастасіи*—изданіе журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ и др.

Великая Княгиня Александра Петровна, Вдова Августѣйшаго фельдмаршала Великаго Князя Николая Николаевича (брата Императора Александра Николаевича), происходила изъ рода принцессъ Ольденбургскаго дома и родилась въ С.-Петербургѣ 2 мая 1838 года отъ брака принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и принцессы Терезіи-Вильгельмины-Фридерики-Изабеллы-Шарлоты Нассауской. Уже отецъ Великой Княгини, Принцъ Петръ Георгіевичъ, пользовался извѣстностью широкаго филантропа. Въ 1860 году ему ввѣрено было управленіе всѣми учрежденіями Императрицы Маріи. Его заботамъ и трудамъ принадлежитъ широкое развитіе этого вѣдомства. По его личной инициативѣ и просвѣщенной заботливости возникъ цѣлый рядъ воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній. Заслуги его въ этомъ направленіи увѣковѣчены постановкой ему памятника на Литейномъ проспектѣ въ С.-Петербургѣ въ 1889 году, на которомъ надписано: „Просвѣщенному Благотворителю“. Ти-

туль Императорскаго Высочества принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому пожалованъ былъ въ 1845 году.

Отъ брака принца съ принцессой Терезіей Нассауской родились 4 сына (Николай, Александръ, Георгій, Константинъ) и 3 дочери: Александра (Екатерина и Терезія).

Дочь покойнаго великаго гуманиста, Великая Княгиня съ юныхъ лѣтъ унаслѣдовала отъ своего отца его взглядъ и убѣжденія на то, въ чемъ должна выражаться любовь къ людямъ и помощь имъ. Въ юныхъ уже годахъ она отдавала всѣ свои „карманныя“ деньги на помощь бѣднымъ и больнымъ дѣтямъ.

Вся первая половина ея филантропической дѣятельности протекла въ Петербургѣ, гдѣ она обильно и широко распредѣляла свое состояніе на различныя гуманитарныя цѣли. Но и помимо оказываемой ею матеріальной помощи дѣламъ и учрежденіямъ, гдѣ только чувствовалась нужда въ ней, она являлась дѣятельнѣйшей руководительницей въ возникавшихъ по ея инициативѣ, различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Вскорѣ послѣ замужества ею основана въ Галерной гавани Покровская община сестеръ милосердія, больница, клиническая амбулаторія, лѣчебница, отдѣленіе для дѣвочекъ—сиротъ младшаго возраста, училище для образованія фельдшерницъ, преобразованное нынѣ въ образцовую женскую гимназію министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ того почившая Великая Княгиня по 1881 состояла предсѣдательницей совѣта дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и, благодаря заботамъ ея, былъ составленъ капиталъ, достигшій въ настоящее время двухъ милліоновъ рублей. На эти деньги содержатся 23 обширныхъ и благоустроенныхъ дѣтскихъ пріюта, изъ коихъ 21 находятся въ Петербургѣ, одинъ въ Царскомъ селѣ и одинъ въ Петергофѣ. Въ нихъ призрѣваются до пяти тысячъ сиротъ.

Во время русско-турецкой войны почившая Великая Княгиня на собственные средства организовала санитарный отрядъ.

Въ 1879 году почившая Великая Княгиня оставила Петербургъ, вслѣдствіе своей тяжелой и, казалось, неисцѣлимой болѣзни, и переѣхала на жительство въ Кіевъ, гдѣ ей суждено было обрѣсти воскресеніе къ новой жизни, всецѣло

посвященной высокими подвигами исканія правды вѣчной и трудамъ христіанскаго благотворенія. Здѣсь она достигла высшихъ степеней душевной красоты и нашла свой идеаль въ служеніи Богу и ближнему.

Поселившись въ Кіевѣ и получивъ облегченіе въ своей тяжкой многолѣтней болѣзни, Великая Княгиня приступила къ осуществленію своей великой мысли, созиданію живого монастыря, живого монастыря. „Живое монастырь—писала покойная Великая Княгиня—вотъ знамя, которое столь дорого моему сердцу и которому я уповаю служить до послѣдняго издыханія... Никакіе монастырскіе обѣты и правила не мѣшаютъ ближняго любить, какъ самого себя, служить болящимъ, питать неимущихъ, призрѣвать сирыхъ и убогихъ, обучать желающихъ, ибо монастыри будутъ имѣть двойную силу и значеніе“. Въ другой разъ Великая Княгиня писала по тому же вопросу о монастырствѣ: „Современное монастырь должно имѣть цѣлью мирить мірянъ съ монастырствомъ. Исключительно созерцательная жизнь есть удѣлъ немногихъ особыхъ избранниковъ Божіихъ по особому промыслу Божію, а жить въ келіи, занимаясь рукодѣліемъ, дабы путемъ продажи этого труда кормить и одѣвать себя, не можетъ привлечь никого. Общежитіе единственная благопріятная община и та обитель достойна названія общежительнаго монастыря, гдѣ есть полное общеніе духа, кромѣ общей пищи и одѣянія. Больничное дѣло было предусмотрено уставомъ Василія Великаго. Въ св. уставѣ о больницѣ говорится. Монашки, опасаящіяся, что путемъ больничнаго послушанія онѣ уклоняются отъ монастыря, не понимаютъ церковнаго устава, не понимаютъ заповѣди Христовой и не понимаютъ того, что Господь во время Своего земнаго странствованія такъ много заботился о болящихъ, а равно и св. апостолы. Когда мы сподобляемся приблизиться къ болящему, то мы невидимо приближаемся ко Христу, и если при служеніи болящимъ хранимъ на умѣ, въ сердцѣ и творимъ устами Иисусову молитву, то это—тѣ живыя четки, та идея, за которую радостно можно горѣть на кострѣ, за которую можно радостно принимать всякое поношеніе! Величайшая отрада сподобляться жить въ св. обители, быть монахомъ и осуществлять дорогое, живое, любвеобильное монастырь. Нужно вдуматься въ этотъ типъ мо-

нашества, дающій вѣчное радованіе на земли и на небеси"! Для покойной великой подвижницы живое монашество означало именно монашество любвеобильное, живой подвигъ—подвигъ любви. Согласно евангельскому слову, она не знала ничего выше любви. Своимъ „возлюбленнымъ о Христѣ больничнымъ сестрамъ“ она писала впоследствии: „Душою я съ вами и въ этомъ нахожу большое утѣшеніе. Я несомнѣнно уповаю, что вы вполне умѣете цѣнить и благодарить Господа, что сподобляетесь служить болящимъ; любовь къ страждущимъ пріемлется Господомъ. Всякій вашъ трудъ приближаетъ васъ къ истинному душевному служенію ради спасенія души. Любовь—это высшая добродѣтель, и буду усиленно молиться, чтобы эта добродѣтель пріумножалась въ душахъ вашихъ“. Въ частности, старшей сестрѣ хирургической больницы Великая Княгиня писала: „Благовари непрестанно Бога, поставившаго тебя на такое послушаніе, гдѣ каждый съ любовью поданный стаканъ воды пріемлется Господомъ. Въ св. евангеліи Господь постоянно проповѣдуетъ о любви къ ближнему. Онъ Самъ показывалъ примѣръ исцѣленія и служенія болящимъ. Единственное на землѣ неотъемлемое счастье—это служеніе болящимъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Сестры, которыя готовятъ кушанье, шьютъ, пекутъ, стираютъ для болящихъ, тоже благоугождаютъ Господу... Трудись съ любовью, трудись мужественно. Господь воздастъ тебѣ сторицею! Все принимай съ горячею любовью отъ руки Господа, тогда все будетъ на душѣ присное радованіе. Будешь себя забывать, жить для страждущихъ, ради страждущихъ“...

Такой высокой идеалъ монашескаго подвижничества покойная Великая Княгиня носила въ своей душѣ. Созданіемъ Кіевского общежительнаго монастыря съ его многочисленными лѣчебными и благотворительными учрежденіями Великая Княгиня свою завѣтную мысль привела въ исполненіе.

Лѣчебно-благотворительныя учрежденія Покровскаго монастыря въ настоящее время имѣютъ слѣдующій видъ: лѣчебница для приходящихъ больныхъ, больница съ двумя отдѣленіями на 108 человекъ, при ней заразный баракъ на 12 мѣстъ и изоляціонный на 5 мѣстъ, въ общемъ 125 мѣстъ, и два пріюта—одинъ для неизлѣчимо больныхъ, другой для

слѣпыхъ. Лѣчебница для приходящихъ больныхъ въ пные дни вмѣщаетъ 400—500 приходящихъ больныхъ, при чемъ не замѣтно ни тѣсноты, ни порчи воздуха. Знакомые съ больничнымъ дѣломъ у насъ говорятъ, что эта лѣчебница „по своей обширности и благоустройству является единственной въ Россіи.“ Нужно замѣтить, что лѣчебница эта въ случаѣ нужды (войны или эпидеміи) въ нѣсколько часовъ можетъ быть обращена въ образцовую больницу на 100 мѣстъ. Вообще о врачебныхъ учрежденіяхъ Покровскаго монастыря бывшіе въ Кіевѣ въ 1896 и 1898 г. съѣзды врачей засвидѣтельствовали, что они составляютъ гордость не только Кіева, но и всей Россіи. „Необыкновенная чистота, изящество, привѣтливый видъ зданій и особый, не поддающийся описанію, привлекательный оттѣнокъ, лежащій на всемъ, произвелъ впечатлѣніе и оставилъ слѣдъ, который никогда не изгладится изъ памяти посѣтителей“. Одинъ изъ этихъ врачей свои впечатлѣнія при осмотрѣ ихъ выразилъ въ слѣдующихъ авторитетныхъ словахъ: „Я началъ свой осмотръ съ лѣчебницы для приходящихъ, которая внутри расположена въ видѣ прямоугольнаго креста; въ правомъ и лѣвомъ крылѣ этого креста устроены кабинеты по всевозможнымъ специальностямъ; каждый кабинетъ снабженъ всѣми необходимыми принадлежностями по своей специальности; чистота, свѣтъ, воздухъ и, если угодно, роскошь не оставляютъ желать ничего лучшаго. Осмотрѣвши эту амбулаторію, для которой очевидно сдѣлано все, что можно сдѣлать по послѣднему слову науки и техники и, конечно, не жалѣя средствъ, я отправился въ больницу для стационарныхъ больныхъ; эта больница представляетъ прекрасное двухъэтажное зданіе, въ которомъ помѣщается небольшая домашняя церковь, столовая для больныхъ, двѣ операционныхъ залы, которыя блещутъ чистотой, свѣтомъ и изяществомъ обстановки и инструментовъ, и затѣмъ, то большія, то меньшія палаты для хирургическихъ больныхъ женщинъ и дѣтей... Я въ восторгѣ отъ всего видѣннаго,— я здѣсь видѣлъ нѣчто подобное тому, что видѣлъ въ нѣкоторыхъ больницахъ въ Берлинѣ и новыхъ клиникахъ въ Москвѣ“.

О дѣятельности больничныхъ учрежденій Покровскаго монастыря могутъ свидѣтельствовать слѣдующія цифровыя

данныя изъ отчета за десятилѣтiе съ 1893—1903 г. Лѣчебница приняла 194. 993 больныхъ, сдѣлавшихъ 466. 523 посѣщенiй; въ больницѣ пользовалось 5020 человекъ; въ обоихъ прiютахъ призрѣвалось 123 человекъ; изъ аптеки выдано бесплатно 501,064 номеровъ лекарствъ.

И вся эта система благотворительности была создана энергiей и трудами Великой Княгини, ближайшимъ сотрудникомъ которой былъ названный уже Н. В. Соломка.

Великой Княгинѣ—говоритъ ея биографъ, д—ръ Г. Г. Левицкiй—желалось дѣятельной любви и своихъ идеаловъ достигла она въ Покровской обители, созданиемъ и дѣятельностiю которой совершенъ первый трудный шагъ на пути реальнаго участiя монастырей въ дѣлѣ охраненiя народнаго здравiя. Этимъ шагомъ начинается новая эра въ культурномъ значенiи монастырей на Руси. Учрежденiя, созданныя великимъ духомъ Великой Княгини, будутъ безусловно имѣть значенiе не только какъ осуществленiе высокихъ гуманитарныхъ цѣлей, но и памятной страницы въ исторiи Россiи. Въ чудномъ уголкѣ Кiева—Лукьяновкѣ, на высококомъ живописномъ откосѣ Вознесенской горы, сплошь покрытомъ вѣковѣчными деревьями, скоро выросъ цѣлый городокъ Покровскаго монастыря, въ русскомъ стилѣ. Монастырь этотъ съ каждымъ днемъ, каждымъ годомъ разрастался, устроился, украшался и крѣпъ. Все здѣсь создавалось подъ личнымъ наблюденiемъ почившей Великой Княгини: всѣ планы составлялись ею, счета по постройкѣ и содержанию всѣхъ учрежденiй велись лично Великой Княгиней, здѣсь не было деревца, которое не было бы посажено по указанiю ея, не было гвоздя, вбитаго не по ея распоряженiю, а часто и въ ея присутствiи. Выстроенъ соборъ, дома для монастырскихъ сестеръ съ помѣщенiемъ для навѣщавшей семьи Ея Высочества, грандиозная больница, лѣчебница для приходящихъ больныхъ, образцово-устроенная аптека, училище для дѣвочекъ-сиротъ, прiютъ для слѣпыхъ, прiютъ для неизлѣчимыхъ хронически-больныхъ женщинъ, бараки для заразныхъ больныхъ, анатомическiй покой для нуждъ больницы, прачешныя, столовыя и кухни для больницы и сестеръ монастыря, страннопрiимница, куда шель холодный и голодный и находилъ заботу, прiютъ и ночлегъ. Великая мысль Царственной Труженицы возродилась здѣсь

въ реальную жизнь, полную энергій, любви, самосовершенствованія, жизнь преисполненную труда и подвижничества, жизнь для сирыхъ, больныхъ и бездомныхъ. И все это въ тиши и глубочайшемъ смиреніи, все въ стремленіи къ высшей красотѣ, къ высшимъ идеаламъ, въ стремленіи къ Богу. Среди поля выросъ дивный, прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, на которомъ отрадно останавливались взоры и усталаго больного путника и великихъ міра сего и людей науки. Возвышенная, всеобъемлющая любовь Великой Княгини одухотворяла, созрѣвала и цвѣтила новыми красками этотъ дивный цвѣтокъ. Все здѣсь созидалось крайне быстро, энергично; буквально не было ни мгновенія, когда бы живая дѣятельность Почившей замирала. Казалось, она спѣшила увидѣть поскорѣ воплощеніе своихъ мыслей въ реальную оболочку, она какъ бы чувствовала непродолжительность своей жизни и спѣшила съ устроеніемъ монастырскаго городка. „Я боюсь не смерти, но боюсь не успѣть сдѣлать все то, что я должна еще сдѣлать здѣсь на землѣ“, часто говорила Великая Княгиня. И сколько прекрасныхъ проектовъ и предначертаній она унесла съ собой въ могилу. Всѣ особенныя свои заботы и материнскую любовь почившая Великая Княгиня отдала больничнымъ учрежденіямъ. Ея любовь и довѣріе къ своей больницѣ были такъ велики, что операція, которой ей пришлось подвергнуться вскорѣ послѣ устройства монастыря, была совершена благополучно въ монастырской больницѣ; въ той же больницѣ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ она и скончалась. Она жила больницей, жила въ больницѣ, работала въ больницѣ и умерла въ больницѣ. Участъ завидная для истиннаго поборника науки и любви къ ближнему...

Покровскій монастырь есть монастырь не по названію только, а въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова; обитающія въ немъ насельницы проводятъ монашескую жизнь по строгому студійскому уставу. Первый день новооткрытаго Покровскаго монастыря начался совершеніемъ въ 12 ч. ночи полунощницы, собравшей множество молящихся. Сколь часто Великая Княгиня напоминала монастырскимъ сестрамъ о подвигѣ любви къближнему, столь же строго слѣдила она и за ихъ молитвеннымъ подвигомъ. „Всѣ эти живыя четки, писала она о монахиняхъ-послушницахъ, работаютъ сильно и все и вся

за св. послушаніе. Въ каждой больницѣ въ 6 час. утра литургія, поютъ наши слѣпцы 20 дѣвиць... Въ больницѣ все строго-монашеское. Всѣ въ бѣломъ... Приготовленіе къ массѣ операций—все дѣлается и успѣвается, молитвенно окропляется водой, все тайно, твердо, убѣжденно и ничего напоказъ“. Другой разъ, въ письмѣ къ сестрамъ больницы, Великая Княгиня, восхваляя любовь, какъ высшую добродѣтель, вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ сестеръ къ молитвѣ: „Непрестанно творите Иисусову молитву: это — могущественная сила, все дурное поглощающая. При этомъ настроеніи вы всегда будете благодущны и счастливы“. „Всякій шагъ съ молитвой на умѣ! писала она снова.—Имѣйте въ сердцѣ и умѣ великое орудіе — Иисусову молитву“. О соединеніи съ подвигомъ „служенія болящимъ“ умной, сердечной и словесной молитвы Иисусовой писала Великая Княгиня и въ другомъ письмѣ—въ отрывкѣ, который мы уже приводили выше. Покойная Княгиня, какъ мы слышали отъ близко знавшей покойную сестры М., внимательно слѣдила за совершеніемъ богослуженія, сама писала расписание церковныхъ службъ. Однажды она сдѣлала священнику строгій выговоръ; гнѣвъ ея быстро утихъ,—какъ это всегда съ нею бывало,—и она смиренно сказала батюшкѣ: „пожурите меня старуху“. О глубокомъ религіозномъ настроеніи покойной Великой Княгини краснорѣчиво говорить, нынѣ уже оконченный вчернѣ, величественный соборный храмъ во имя св. Николая, заложенный Великой Княгиней въ 1896 г. въ присутствіи Ихъ Величествъ. Эскизный проектъ храма былъ составленъ сыномъ Великой Княгини, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ. Своею обширностью храмъ этотъ превосходитъ всѣ кievскіе храмы. Покойная Великая Княгиня, создавая храмъ, хотѣла, чтобы ея обитель не уступала другимъ монастырямъ богослужебнымъ великолѣпіемъ. Покровская обитель—монастырь, по богослужебно-молитвенному подвигу не уступающій другимъ (конечно, лучшимъ) монастырямъ. Но она—не только монастырь въ обычномъ смыслѣ этого слова: въ ней монастырь неразрывно связанъ съ больницей, молитвенные подвиги съ подвигомъ любви. Сестры обслуживаютъ всѣ лѣчебно-благотворительныя учрежденія, исполняя въ нихъ всякую посильную (женскую) работу, не гнушаясь грязной

работы, не отступая ни предъ какими трудами. Уходъ за больными это по преимуществу женское дѣло, требующее вниманія, ласки, нѣжности; больничная сидѣлка замѣняетъ дѣтямъ мать, взрослымъ сестру или дочь. Союзъ женскаго монастыря съ больницей, поэтому, представляется особенно естественнымъ. Одинъ очевидецъ говоритъ: „трогательно было видѣть, то въ одномъ углу, то въ другомъ, стоящихъ на колѣняхъ молодыхъ женщинъ надъ кроватками маленькихъ пациентовъ и кормящихъ ихъ (во время обѣда); тутъ какъ бы сказывалась не только женская, но и материнская нѣжность“.

Во главѣ сестеръ, въ ихъ святомъ дѣлѣ, стояла сама покойная Великая Княгиня. Она стояла во главѣ сестеръ, потому что шла впереди ихъ въ ихъ общемъ дѣлѣ. И прежде всего, она была среди монахинь монахиня, имѣла монашеское постриженіе, хотя это событіе въ жизни почившей оставалось тайной. Она подписывалась подъ своими письмами своимъ прежнимъ именемъ: „грѣшная Александра“, „грѣшная послушница Александра“. Но въ Кіевѣ давно были убѣждены въ томъ, что она имѣетъ другое имя. И дѣйствительно, духовное завѣщаніе ея, хранившееся въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора и вскрытое тотчасъ по ея смерти, подтвердило, что въ инокиняхъ Ея высочество Анастасія. И она была инокиней не на словахъ только: она проводила простую аскетическую жизнь. Даже въ дни праздничныхъ торжествъ обители, на которыхъ присутствовали ея августѣйшіе родственники, была та же монастырская скудная трапеза, безъ всякихъ напитковъ, та же простая утварь—деревянные ложки и чашки. Также близко участвовала Августѣйшая инокиня и въ монастырской молитвѣ. Пока позволяло ей здоровье, она присутствовала на всѣхъ ежедневныхъ монастырскихъ службахъ, при чемъ иногда сама читала шестопсалміе, часы, канонъ и пр. Но покойная Великая Княгиня участвовала не только въ молитвенно-аскетическомъ подвигѣ сестеръ,—она была иниціаторомъ и вдохновительницей и ихъ подвиговъ на служеніе ближнему. Прежде всего она внесла въ это дѣло свои капиталы, она была основательницей и строительницей монастырско-больничныхъ учреждений. „Мы, писала покойная Великая Княгиня, скудны добродѣтелью, мы богаты матеріальными сред-

ствами, ибо я получаю огромныя средства; стало быть, весьма естественно, что, какъ монахинѣ, мнѣ не нужно никакихъ затратъ на пищу и одежду, т. е. минимально мало, и, стало быть, долгъ совѣсти повелѣваетъ все отдать, что имѣю, къ осуществленію своего идеала“. Покойная подвижница поступала по этому долгу своей совѣсти. Но она не откупалась отъ нищихъ и больныхъ одною денежною подачкою, она не думала замѣнить подвигъ матеріальною жертвою, сваливши трудъ на другихъ, на монастырскихъ сестеръ. Она была первою сестрою милосердія въ устроенныхъ ею лѣчебно-благотворительныхъ учрежденіяхъ. Буду говорить словами проф. И. А. Сикорскаго. Покойная Великая Княгиня, пишетъ проф. Сикорскій, отдала всѣ свои обширныя миллионныя средства на благое дѣло, довольствуясь монастырскимъ столомъ и скромной одеждой сестры милосердія. Но не въ матеріальныхъ щедротахъ сказалось величіе Ея души. Она совершила большее. Она рѣшилась отдать личныя свои силы на служеніе страждущимъ и показать на дѣлѣ возможность практическаго осуществленія новой мысли, созрѣвшей въ ея умѣ и сердцѣ. Со своимъ крайне слабымъ здоровьемъ и тѣлесными немощами, она вознамѣрилась совершить дѣло новое и на нашей памяти невиданное—связать больницу и монастырь въ одно учрежденіе. Для этого понадобилась твердая, непреклонная рѣшимость, необходимъ былъ не только личный починъ, но и личный примѣръ, чтобы показать на дѣлѣ и воочію осуществимость того, что казалось для многихъ неосуществимымъ и невозможнымъ! Она лично стала на службу страждущимъ людямъ съ тою любовью и тѣмъ величайшимъ нравственнымъ напряженіемъ, которое можно назвать исключительнымъ и безпримѣрнымъ. Ея дѣло и ея личная служба этому дѣлу произвели глубокое впечатлѣніе на врачей и членовъ VI Пироговскаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1896 году. Въ стѣнахъ Покровскаго монастыря врачи посѣтители увидѣли истинную благотворительность и не могли не отдать дань уваженія подвигамъ Женщины, которая въ своемъ лицѣ довела служеніе святому дѣлу до поэтическаго одушевленія и художественной высоты; впечатлѣніе оказалось тѣмъ болѣе сильнымъ, что посѣтитель, ждавшій встрѣтить земной блескъ, не увидѣлъ другаго величія, кромѣ величія нравственнаго. Осмотрѣвъ больничныя учрежденія,

члены съѣзда убѣдились, что заботливость объ удобствахъ больного, о расширеніи врачебной помощи, до самыхъ утонченныхъ усовершенствованныхъ способовъ, повидимому, не знаетъ границы. Но наблюдателей поразили не эти матеріальныя щедроты, а болѣе всего этотъ рѣдкій примѣръ беззавѣтной преданности дѣлу и долгу, какой показала Великая Княгиня, и въ особенности ея неутомимое служеніе ближнему во всѣхъ роляхъ, начиная отъ роли крупнѣйшаго жертвователя до роли сестры милосердія, сидѣлки, матери; и все это такъ просто, такъ радостно! „Кто захотѣлъ бы воочию увидѣть истинное счастье, доставляемое служеніемъ идеѣ, говорили члены съѣзда, тотъ можетъ видѣть его въ Покровскомъ монастырѣ“...

Цѣлые годы, продолжаетъ проф. Сикорскій, проведены Великой Княгиней среди больныхъ въ полномъ значеніи слова: она жила въ одной изъ больничныхъ палатъ, въ постоянномъ непосредственномъ соприкосновеніи съ больными такъ, какъ живутъ фельдшерицы и сидѣлки. Здѣсь Великая Княгиня проводила дни и ночи въ такихъ условіяхъ и при такой обстановкѣ, что эту жизнь необходимо признать непрерывнымъ подвигомъ. Дверь ея комнаты не закрывалась для того, чтобы и въ ночное время она могла слышать стоны и жалобы больныхъ и идти къ нимъ на помощь. По ея собственнымъ словамъ, тишина и покой будили ее, такъ какъ она боялась пропустить минуту необходимой помощи страждущимъ. Эта святая боязнь отгоняла сонъ отъ ея очей. Только спокойствіе больныхъ давало и ей немногія минуты покоя. Ко всѣмъ труднымъ больнымъ она вставала по нѣскольку разъ въ теченіе ночи, и этимъ нерѣдко лишала себя и того, наименьшаго отдыха, который необходимъ для поддержанія здоровья и силъ. Изъ ея рукъ больные получали лекарства, изъ ея устъ они постоянно слышали слова ободренія, утѣшенія и состраданія. Простые люди и особенно дѣти такъ цѣнили ея доброту и ласковость и такъ вѣрили въ помощь, подаваемую ея руками, что желали принимать лекарство непосредственно изъ ея собственныхъ рукъ. Она всегда радостно исполняла этотъ нерѣдко тяжелый долгъ. При всѣхъ хирургическихъ операціяхъ Великая Княгиня лично присутствовала и помогала, какъ опытный помощникъ, своею умѣлой и твердой рукой. Всѣхъ больныхъ, которымъ пред-

стояли тяжелыя операции, она собственными руками омывала, чтобы обезпечить необходимую чистоту и зависящій отъ того успѣхъ операции, не полагаясь въ этомъ случаѣ на другихъ.—Кто знакомъ съ больничной жизнью, кто проводилъ часы среди стоновъ и человѣческихъ страданій, тотъ пойметъ силу подвига Великой Княгини. Нося въ себѣ самой давній недугъ, переживъ двѣ тяжелыя операции, страдающая отдышкой и часто задыхаясь, великая труженица не думала о себѣ, не заботилась о своемъ собственномъ здоровьѣ и вся отдалась избранному ею высокому служенію. Самыя тяжелыя обязанности она несла съ полною отвѣтственностью, не полагаясь на другихъ. Ея примѣръ производилъ глубокое впечатлѣніе на окружающихъ. Трогательно было видѣть Великую Княгиню передъ началомъ какой либо тяжелой операции,—что случалось почти ежедневно въ больницѣ Покровскаго монастыря. Въ эту минуту она мысленно переживала и чувствовала всю предстоящую опасность и всю отвѣтственность не только за исходъ операции, но и за самую жизнь человѣка. Великая Княгиня съ глубочайшимъ, но нерѣдко непримѣтнымъ для окружающихъ, чувствомъ волненія творила благоговѣнно крестное знаменіе и послѣ этого спокойно, съ твердостью духа и рѣдкимъ умѣньемъ, помогала оператору, ободряя и вдохновляя сестеръ. Свои труды, сопровождавшіеся непрерывнымъ напряженіемъ силъ, бессонными ночами и тревогами, Великая Княгиня несла съ радостью и считала себя, среди этой очень тяжелой жизни, „счастливейшей въ мірѣ“. И таковою она была на самомъ дѣлѣ: неустанный трудъ служенія ближнему, личное участіе ко всѣмъ, кому она могла облегчить физическія или нравственныя страданія, и нескончаемыя заботы о дальнѣйшемъ расширеніи созданныхъ ею благотворительныхъ учрежденій—все это давало ей такую полноту жизни, что она, поистинѣ, познала счастье на землѣ! Ея бодрый и радостный видъ укрѣплялъ и ободрялъ окружающихъ...

Письма покойной Великой Княгини, писанныя ею къ различнымъ лицамъ, причастнымъ къ больничной дѣятельности, когда ей приходилось отсутствовать — большею частью изъ Ниццы, гдѣ она проживала послѣ операции,—эти письма показываютъ, какъ сильно покойная Великая Княгиня любила свое дѣло. Въ разныхъ письмахъ она писала: „Не до-

ждусь я счастливаго часа возвращенія во святую нашу обитель.... Не могу выразить словами моихъ чувствъ радованія, когда я представляю себѣ близость возвращенія въ дорогую св. обитель! Радость урѣтъ всѣхъ васъ, дорогихъ сестеръ, болящихъ, слѣпыхъ, убогихъ, всѣхъ дѣточекъ!.. Все близко моему сердцу—писала Великая Княгиня по полученіи письма отъ одной изъ сестеръ съ обстоятельнымъ описаніемъ состоянія больницы—все близко моему сердцу, всякое дыханіе моихъ дорогихъ больныхъ для меня интересно. Радуюсь, что въ ихъ здоровьѣ есть нѣкоторое улучшение.... Не дождусь писемъ... Душою я всегда съ вами всѣми, тѣло лишь мое въ Ниццѣ“....

Такъ Великая Княгиня жила, работала и чувствовала до дня своей кончины....

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы осматривали Кіевъ—мы видѣли его во всемъ его церковно-историческомъ величіи: поклонились многочисленнымъ святынямъ Кіево-печерской лавры, съ высокаго балкона гостепріимной лаврской гостиницы любовались „купелью русскаго народа“ — чуднымъ Днѣпромъ и при блѣдномъ сіяніи тихой луны и въ страшную грозу, какой не запомнятъ старожилы; предъ нами прошелъ цѣлый рядъ древнихъ и новыхъ храмовъ и церковныхъ памятниковъ—Аскольдова могила, соборъ Андреевскій, Десятинная церковь, соборы Софійскій, новыи Владимірскій, памятникъ св. Владиміру съ его чуднымъ электрическимъ крестомъ, другіе древніе монастыри... Впечатлѣніе было громадно, предъ нами воскресала родная исторія, предъ нами проходили судьбы русскои церкви, тысячи паломниковъ свидѣтельствовали, что эта исторія еще не кончилась, что пульсъ христіанскои жизни русскаго народа бьется сильно. Волна церковнои исторіи невольнo охватывала сердце и наполняла его религіознымъ восторгомъ. Последнимъ пунктомъ нашихъ наблюденій былъ намѣченъ Покровскій-Княгининъ монастырь. Мы подошли къ нему уже въ приподнятомъ религіозномъ настроеніи, съ сердцемъ, жаждущимъ видѣть живой человѣческой подвигъ, расцвѣтшій на этомъ церковно-историческомъ древѣ. Уже обращено вниманіе на то, что „этотъ яркій свѣточъ благочестія и иноческаго под-

вижничества въ царственной семьѣ возгорѣлся въ эпоху благодатнаго обновленія русской національной мысли, — въ благодѣтельное царствованіе Александра III, когда Россія превозмогла сбросить съ себя тлетворныя (?) духовныя путы Запада и рѣшительно поворотила на свой исконный путь церковно-историческихъ идеаловъ національной жизни и мысли“. И не прибѣгая къ тенденціозной окраскѣ факта, можно сказать, что покойная Княгиня любила православіе. Въ письмѣ къ одному церковно-общественному дѣятелю мы находимъ слѣдующія высоко-знаменательныя слова Великой Княгини: „Все, о чемъ я пишу, старо, но и не нужно новшество, напротивъ—возвращеніе ко временамъ Θεодора Студита!... Усердно прошу писать мнѣ — все, что касается св. Церкви; люблю ее какъ душу“... Идеалы покойной Великой Княгини были истинно-церковные идеалы!

Когда мы проходили садомъ, заполняющимъ все пространство между зданіями Покровскаго монастыря, первое, что остановило на себѣ наше вниманіе, былъ большой надмогильный крестъ, съ надписью на немъ: Ея Императорское Высочество Августѣйшая строительница Благовѣрная Государыня Великая Княгиня Александра Петровна, во инокиняхъ Анастасія, скончалась 13 апрѣля 1900 года на 62 году.

И величественный образъ Подвижницы - благотворительницы наполнилъ наши души, всколыхнулъ въ нашихъ сердцахъ глубокія чувства... Великая Княгиня, оставившая царственную высоту для скромной аскетической жизни подвижницы-инокини, до конца сохранила смиреніе. Въ послѣднія минуты своей жизни, при тяжелыхъ физическихъ страданіяхъ, она сдѣлала всѣ распоряженія о своемъ погребеніи, могилѣ, отпѣваніи и даже о поминовенномъ столѣ. Простой сосновый, некрашенный гробъ былъ уже готовъ около десяти лѣтъ назадъ. Воля Царственной Инокини была та, чтобы ее погребли непосредственно въ землѣ, безъ сводовъ, на мѣстѣ, ею давно предназначенномъ—противъ алтаря монастырскаго храма (рядомъ съ Августѣйшей внучкой, дочерью Великаго Князя Петра Николаевича). При погребеніи, согласно той же волѣ покойной, не было ни рѣчей, ни вѣнковъ; отпѣваніе совершено по иноческому чину; простой деревянный крестъ—единственный надмогильный памятникъ. И невольно припоминались намъ глубоко-прочувствованныя

слова описателя кончины Ея Императорскаго Высочества: „Скромная могила сокрыла отъ нашего взора Ея физическія черты, и тѣмъ съ большей силой возстаетъ предъ нами Ея нравственный обликъ во всемъ его величіи. Народной святыней станетъ ея скромная могила потому, что Она сослужила великую службу русскому народу! Земной поклонъ принесетъ Ей Кіевъ и возвеличитъ Ея память, потому что Она создала Кіеву новую славу, избравъ его мѣстомъ своей жизни и дѣль! Преклонитесь предъ Нею русская женщина, какъ предъ идеальнымъ образомъ Милосердной Сестры русскаго народа! Своей жизнью, своими дѣлами, своею близостью къ простому народу усопшая Великая Княгиня скрѣпила русскій народъ съ Царемъ и Царствующимъ Домомъ—скрѣпила тою новою прочною нитью, которая соткана изъ самыхъ возвышенныхъ душевныхъ качествъ, изъ любви къ народу и милосердія къ страждущимъ. Велики ея заслуги въ этомъ дѣлѣ. Земной поклонъ ей отъ всѣхъ живыхъ!“

Съ глубокимъ чувствомъ поклонились и мы праху Великой Женщины.

И пошли видѣть свидѣтелей ея великихъ дѣлъ.

Предъ нами одно за другимъ выплывали изъ-за густоты сада монастырскія больничныя зданія. Мы видѣли ихъ, удивлялись обширности этого благотворительнаго учрежденія, восторгались ихъ поразительною чистотою, обиліемъ свѣта.... Но что говорить о томъ, что уже достаточно описано и оцѣнено людьми компетентными, что засвидѣтельствовано статистическими данными.

Съ наибольшимъ вниманіемъ мы осмотрѣли хирургическую больницу, гдѣ насъ встрѣтила сестра Магдалина — старшая сестра хирургической больницы, интеллигентная, въ высшей степени любезная, преданная своему дѣлу. Она пребываетъ въ монастырѣ двадцать девятый годъ и двѣнадцатый годъ завѣдуетъ больницей. Она — ближайшая сотрудница и воспитанница Великой Княгини, о которой не можетъ говорить безъ слезъ... Мы осмотрѣли палаты, операционныя залы, больничную церковь, столовую. Въ столовой обращаетъ на себя вниманіе мраморная доска съ начертанными на ней словами: „Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна осчастливили больницу своимъ

посѣщеніемъ 1896 года 21 августа“. Его Величеству Государю Императору благоугодно было сдѣлать щедрое пожертвованіе на расширеніе больницы и именно на это пожертвованіе было воздвигнуто въ 1897—1898 г.—рядомъ съ хирургической больницей—новое зданіе терапевтической больницы Императора Николая II. Тогда же, въ 1896 году, въ присутствіи Ихъ Величествъ, былъ заложенъ и новый соборный храмъ во имя Святителя Николая. Это уже показываетъ, насколько Ихъ Величества остались довольны лѣчебно-благотворительными учрежденіями Покровскаго монастыря. Впослѣдствіи, по смерти Великой Княгини, Его Величество Государь Императоръ еще разъ выказалъ участіе къ благотворительному дѣлу покойной Великой Книгини. Все хозяйство больницы (и монастыря), при жизни Великой Княгини, велось лично ею, безъ всякой табели и нормировки. По смерти ея, вопросъ о содержаніи лѣчебно-благотворительныхъ учрежденій Покровскаго монастыря остался совершенно открытымъ. На содержаніе ихъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ 1900 года Государю Императору угодно было повелѣть отпустить изъ суммъ Министерства Двора и Удѣловъ 57 тыс. руб., а также 64 тыс. руб. для уплаты за прибрѣтенный Почившей Августѣйшей Строительницей участокъ усадебной земли, прилегающей къ обители. Дальнѣйшее содержаніе медицинскихъ и благотворительныхъ учрежденій при монастырѣ навсегда было упрочено Высочайше утвержденнымъ ежегоднымъ отпускомъ изъ Государственнаго Казначейства 80 тыс. руб. (съ 1-го января 1901 года). Все это служитъ достаточнымъ основаніемъ того, почему больничныя учрежденія при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежительномъ монастырѣ носятъ имя Императора Николая II. Все это въ свою очередь достаточно показываетъ, почему посѣщеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1896 г. 21 августа было счастьемъ для Покровской обители.

Но изъ всѣхъ помѣщеній хирургической больницы преимущественное наше вниманіе къ себѣ приковала комната Ея Высочества Великой Княгини, въ которой протекли ея подвиги. Комната находится рядомъ съ церковью. Она не велика и въ ней все сохранилось такъ, какъ было при покойной Великой Княгинѣ. Здѣсь вѣетъ Ея великій духъ, здѣсь на всемъ видны слѣды Ея великихъ думъ и вели-

каго сердца. Все, что извѣстно о подвигѣ этой Царственной Женщины, наполняетъ душу паломника, при вступленіи его въ эту подвижническую келію, религіознымъ благоговѣніемъ. Здѣсь горѣла христіанская дѣятельная любовь яркимъ пламенемъ, здѣсь въ тиши и скромности совершалось истинно-христіанское дѣланіе, которое названо въ евангеліи „единымъ на потребу“, здѣсь жила христіанская душа полною духовною жизнью, жизнью вѣры и единой любви къ Богу и ближнему,—здѣсь жила та, которая сказала: „Мнѣ не долго остается жить, но я свои старческія силы всецѣло желаю отдать на служеніе Господу и ближнему моему“. Печать этого единого подвига служенія Богу и ближнему лежитъ здѣсь на каждой вещи, во всѣхъ углахъ.

Недалеко отъ двери, налѣво, въ углу, стоитъ недлинная кушетка съ незатѣйливой подушкой, предъ нею на полу туфли, рядомъ съ нею небольшой круглый столикъ. Это, говорила намъ, охваченная горячимъ потокомъ воспоминаній, сестра Магдалина, это—мѣсто, гдѣ покойная Матушка спала. Обыкновенно спала сидя. У нея были больныя ноги. Едва ли она когда ложилась. Голову склоняла на этотъ столикъ, ничего не стлала, только ноги закутывала одѣяломъ. И какъ спала! Двери открыты и она прислушивалась къ тому, что происходило въ палатахъ. Едва только дежурная на звонокъ больной приходила не ту же минуту, являлась уже покойная матушка и дѣлала, что было нужно. Даже дежурила по ночамъ.

Налѣво у стѣны книжный шкафъ. Это тѣ немногія книги изъ богатой бібліотеки покойной Великой Княгини, которыя были для нея настольными. Мы прочитали на корешкахъ имена свв. Димитрія Ростовскаго, Іоанна Златоустаго, Макарія Египетскаго, Василія Великаго и т. д.

Направо, въ переднемъ углу, икона: предъ этою иконою покойная Великая Княгиня, возвращаясь къ себѣ въ келію послѣ больничныхъ трудовъ, имѣла обыкновеніе молиться, произнося вслухъ: „благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоилъ меня послужить больнымъ“.

Предъ иконою аналой, на которомъ большое славянское богослужебное евангеліе. Почти весь текстъ подчеркнутъ или краснымъ или синимъ карандашомъ.

Что скрывается подъ этими помѣтками, трудно сказать;

но во всякомъ случаѣ здѣсь мы видимъ указаніе на внимательное чтеніе этой священной книги.

Впереди аналоя въ стѣнѣ оконце въ церковь, а предъ нимъ кресло: здѣсь покойная Великая Княгиня внимала богослуженію, когда силы не позволяли ей стоять въ храмѣ.

На одномъ изъ столовъ, заполненныхъ разнаго рода вещами, обращаетъ на себя вниманіе псалтирь, можетъ быть снятая съ аналоя: псалтирь примѣчательна тѣмъ, что внутренняя обложка заполнена многими изреченіями, начертанными собственною рукою покойной Великой Княгини: „Аще Господь восхоцетъ и живи будемъ.—Разумъ убо кичить, а любы созидаетъ.—Въ скорби призвалъ мя еси и избавихъ тя.—Тѣмже, братіе моя возлюбленная, тверди бывайте непоступни, избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда, вѣдюще, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ.—Не надѣйтеся на князи и на сыны челоувѣческія.—Азъ бо язвы Господа Иисуса на тѣлѣ моемъ ношу“ и т. д. Зная религиозныя воззрѣнія покойной Великой Княгини, ея взглядъ на первенствующее значеніе любви, ея смиреніе, ея болѣзненность, мы легко можемъ понять, почему ея взоры прилежно останавливались на этихъ изреченіяхъ. Мы какъ бы прочитываемъ лѣтопись ея душевной жизни, подслушиваемъ ея бесѣду съ Богомъ, ея молитвенные вздохи.

На столѣ же мы видимъ большую разграфленную тетрадь, въ которую покойная Великая Княгиня собственноручно вписывала вновь прибывавшихъ въ ея больницу. Всякая, вновь поступающая больная, какъ бы вступала въ семью, ее уже не считали чужою, ее считали своею, родною. Великая Княгиня старалась узнать не только болѣзнь, но и душу больной, ея психику. Особенно она любила простой народъ, удрученныхъ не только болѣзнью, но и горемъ, бѣдностью. По ея настояніямъ часто не отказывали такимъ больнымъ, у которыхъ роковой исходъ не могъ уже быть задержанъ ни хирургіей, ни терапіей,—оставляли ихъ въ больницу, чтобы по крайней мѣрѣ доставить имъ на послѣдніе дни относительныя удобства, дать имъ внѣшній покой. „Если бы можно было, я бы весь міръ обняла любовью“, часто повторяла Великая Княгиня. Въ ея шкафѣ хранились лакомства и вина для больныхъ. И она обыкновенно сама несетъ

больной то рюмку портвейна, то чаю съ ромомъ, то дѣтямъ лакомствъ.

Мы посмотрѣли на послѣднюю исписанную страницу записной тетради: 1900 г. 26 марта. Воскресенье. № 145 Influenza Дарья Нѣмая 3 отд.—№ 232 Tubercul. art. sub. Грисюкова.—№ 228 Sarcoma мат. Ерохина.

Это былъ послѣдній день дѣятельности покойной Великой Княгини. 26 марта она слегла въ постель и уже не поднималась до смерти, послѣдовавшей 13 апрѣля. Богослуженіе страстныхъ дней и Свѣтлой Пасхи она уже выслушивала, лежа въ своей келіи. Плащаница вокругъ церкви обносилась чрезъ келію Великой Княгини и, для лобзанія, была поднята на ея голову. Лежа, Ея Высочество смотрѣла на огни пасхальной иллюминаціи, устроенной подъ непосредственнымъ руководствомъ Великаго Князя Николая Николаевича. Святую Пасху Покойная встрѣтила въ кругу своихъ Августѣйшихъ родственниковъ. Скончалась она на 2-й день Пасхи.

М. Таръевъ.
